ВЗГЛЯД ГЕОГРАФА

УДК 502.2

О ПРИРОДНОМ НИГИЛИЗМЕ АНАЛИТИКОВ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

© 2019 г. Ю. Н. Гладкий*, В. Д. Сухоруков

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*

**e-mail: Gladky43@rambler.ru*

Поступила в редакцию 01.10.2018 г.; после доработки 20.02.2019 г.; принята в печать 30.05.2019 г.

Обращается внимание на серьезные просчеты известных теоретиков постиндустриального общества, ограничивающихся социологическим и экономическим анализом и недооценивающих роль географической среды. Признавая необходимость создания “нормальной окружающей среды” (Д. Белл), теоретики “общества будущего”, в действительности, абстрагируются от биосферной основы Человека, от ускоряющейся трансформации векового биогеохимического круговорота веществ на планете и “таяния” многих природных ресурсов. Такая позиция ассоциируется с географическим нигилизмом. Признание главным источником современного прогресса научных знаний, способных изменить окружающий мир, не является основанием для того, чтобы артикулировать будущее общество в отрыве от мира природы. Ни одно “постэкономическое общество” не в состоянии функционировать без добывающих отраслей промышленности, аграрного сектора, природных зон отдыха и т.д. Подчеркивается, что идея “бесприродного общества” пропагандируется известными авторами без учета интересов, по меньшей мере, половины человечества, где нищета, болезни, голод и недоедание продолжают разрывать их жизненный мир “по швам” и откуда “золотой миллиард” черпает сырьевые ресурсы. Делается вывод о том, что создание “общества знаний” в России немыслимо без использования обильных природных ресурсов, необходимых для многозатратного замещения основной части производственных фондов и накопления бюджетных средств.

Ключевые слова: географическая среда, постиндустриальное общество, природный нигилизм, общество знаний, информационное общество, сетевое общество, природные ресурсы.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-556620195121-130>

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Наметившийся в конце XX в. пересмотр догматического тезиса советской общественной науки о недопустимости преувеличения роли *географической среды* в развитии общества в начале XXI в. неожиданно “притормозился”, причем, не только в российской, но и западной литературе. Есть немало оснований считать основными причинами происшедшего развернувшееся культивирование *постиндустриального общества*, а также фантастический взлет *валютно-финансовой сферы*. В первом случае благополучие общества стало связываться больше с информацией, наукой и творчеством, оттеснив природопользование на арьергардные позиции. Во втором, страны-центры сосредоточения банков и специализированных кредитно-финансовых институтов, где осуществляются масштабные международные валютные, кредитные и финансовые

операции, сделки с ценными бумагами и золотом, гораздо в меньшей мере стали заботиться о развитии естественных производительных сил, чем малоразвитые и среднеразвитые государства, чьим уделом остаются природные ресурсы.

В трудах известных аналитиков постиндустриального общества роль *природной компоненты* в становлении современного постиндустриального мира очерчивается откровенно скупо, если не игнорируется вообще [2, 4–8, 13–17, 26, 30]. Яркое отражение находят в основном вопросы сущности нового общежития и концепции перехода к нему (включая марксистскую теорию прогресса, различные футурологические конструкции грядущего, великую постиндустриальную американскую утопию Д. Белла и многочисленные “частные” разработки, описывающие информационные, технотронные, “знаниевые” общества и т.д.). Приводится также скрупулез-

ный анализ современных концепций стоимости, противоречий постиндустриальной трансформации (обособления западного мира и обострения отношений между ним и отстающими в своем развитии регионами планеты), трансформации отношений собственности в развитых странах, роли личности в условиях научно-технической революции и т.д.

Встречающиеся упоминания об изменении роли материальных факторов производства и характера современных экологических проблем в ходе технологической революции не в состоянии восполнить ничем не оправданный дефицит идей природопользования и проблем прогрессирующего ухудшения *глобальной среды*. Получается, что члены “общества знаний” уже не рассматриваются элементами биосферы и пользователями продуктов первичного сектора экономики. Тем временем очевидной благосклонностью апологетов постиндустриального общества пользуются идеи *технологического детерминизма*, сводящиеся к пониманию общественного развития как прогресса техники, предуготовляющего формирование системы постматериальных ценностей и максимальное использование творческого потенциала работников.

В настоящей статье предпринята попытка аргументированной критики позиций апологетов постиндустриального общества, которые, часто основываясь на природном и экологическом обскурантизме, откровенно пропагандируют отчуждение человека от природы, становясь на позиции географического нигилизма. Авторы избегают общих оценок концепций постиндустриализма и ответов на вопросы типа: “Являются ли они чем-то более значительным, чем умозрительные конструкции, призванные мифологизировать реальность?” [18]. Кстати, попытка ответов на подобные “вызовы” дана в работе Б. Френкеля “Постиндустриальные утописты” [23].

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу статьи положено аналитическое исследование, цель которого состоит в уточнении причинно-следственных связей в становлении концепции постиндустриального общества, недооценивающей роль географической среды и “замыкающейся” на ее социологическом и экономическом содержании. С учетом такой фундаментальной географической проблемы, как противоречивые взаимодействия между природой и обществом, авторами использован диалектический метод для того, чтобы рассматривать соответствующие элементы концепции как взаимодополняющие друг друга.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Игнорирование природы создает парадоксы

Традиционно понятие “природа” имеет два основных значения: узкое и широкое. В первом случае природа ассоциируется с естественной средой обитания людей, той частью материи, которая изучена, осознана и используется человеком для своей жизнедеятельности. Во втором — природа предстает в качестве *базовой формы бытия*, существующей вечно и независимо от сознания в его гносеологическом аспекте.

В этой связи важно иметь в виду, что природа не только служит детерминантом уровня благосостояния людей, обеспечивая их базовыми потребностями (питанием, чистым воздухом, водой), но и защищает от экологических опасностей. Кроме очевидной всем “инструментальной” роли природа является императивным гарантом психического благополучия и фундаментальным фактором самоощущения. Представители ни одного общества в истории человечества не могли быть счастливыми и здоровыми в том случае, если грубо нарушались законы природы или происходили ее опасные циклические изменения. Как бы ни стратифицировалась история человеческого общества (доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества; предмодернистское, модернистское и постмодернистское состояния общества, первая, вторая и третья волны цивилизации и пр.), именно интерпретация последних стадий в их ранжировании проникнута “духом” природного нигилизма.

Методы оценки счастья и благополучия человечества (в частности, “индекса развития человеческого потенциала”, “индекса многомерной бедности” и др.) сегодня покоятся, главным образом, на материальных стандартах, отображающих, прежде всего, доходы на душу населения. Именно последние ассоциируются как с экономическим процветанием стран “золотого миллиарда”, так и с масштабами и уровнем бедности в слаборазвитых странах. Естественно, это замечание в равной мере относится и к *постиндустриальным странам*, в экономике которых преобладает инновационный сектор с высокопроизводительной промышленностью, индустрией знаний, с высокой долей в ВВП высококачественных и инновационных услуг, а также более высокой долей населения, занятого в сфере услуг, нежели в промышленном производстве.

Но при этом природа как базовая форма бытия, не измеряемая в денежном выражении и которая может иметь решающее значение для процветания будущих поколений, часто остается “за скобками”. Страна может развивать инновационную экономику за счет исчерпания угле-

водородных ресурсов, утраты плодородия почв, сокращения площади лесов, неоправданного строительства дамб и осушения болот, изменения направления рек и даже экологических катастроф, разрушая тем самым тот баланс, который природа создавала тысячелетиями.

Игнорирование природы создает своеобразные парадоксы. Материальные стандарты и показатели интеллектуального и нравственного развития постиндустриального общества либо вообще не учитывают состояние природной среды, либо неадекватно отображают роль природы в развитии общества. Нередко те, кто извлекает выгоду из нынешних оценочных подходов к “достоинствам” постиндустриальных экономик, принадлежат к “глобальной элите”, которая как раз нажила состояние на разрушении окружающей среды. “Неудачники для них — это те, кто наиболее зависим от природного жизнеобеспечения и особо уязвим к изменениям окружающей среды. Даже если элита ценит природу, это, как правило, конвертируется в денежный эквивалент. Такой подход благоприятен для тех, кто может и хочет отправлять на сохранение природы незначительные суммы, которые затем продаются на торгах” [12].

“БЕСПРИРОДНОЕ ОБЩЕСТВО” ДЭНИЭЛА БЕЛЛА

Без констатации некоторых идейных позиций одного из основоположников учения о постиндустриальном обществе, выдающегося американского социолога и философа XX в. Д. Белла, вряд ли наши выводы можно считать корректными. Именно его представление об “обществе будущего” в наиболее содержательном и убедительном изложении [2] вошло в учебники по социологии, хотя “хронологический” приоритет в формулировании идей постиндустриального общества принадлежит французскому ученому Ж. Фурастье, давшему ему название “цивилизации услуг”¹.

Напомним: по состоянию на 1962 г. (когда Белл изложил суть своей концепции на Съезде по технологическому и социальному развитию в Бостоне), статус постиндустриального

общества им был “пожалован” лишь США. Примененная автором критериальная база, основанная на анализе обширных статистических данных, не ограничивалась экономикой (преобладание сферы услуг, торговли, финансов, страхования, операций с недвижимостью и т.д.). Она включала широкий спектр социальных нормативов: изменение классовой структуры общества, социальное планирование, соответствующие уровни демократии, культуры, самосознания граждан, принципы поведения политиков и “технократов” и т.д.

Согласно Д. Беллу, на “подступах” к “обществу будущего” находились Западная Европа, Советский Союз (!) и Япония с их фабрично-заводским производством, полуквалифицированным и инженерным трудом и т.д. Страны же Латинской Америки, Азии и Африки Д. Белл, подобно своему предшественнику У. Ростоу — автору теории стадий экономического роста [33], отнес к членам “доиндустриального общества” с преимущественным развитием отраслей по добыче и первичной обработке сырья, сельского хозяйства и др. Разумеется, сегодняшняя картина со “стадиями экономического роста” У. Ростоу едва ли напоминает нарисованную Д. Беллом. В данном случае главная интересующая нас деталь состоит в том, что в идентифицированном им новом обществе фактически исчезло *природное начало* как важнейший индигredient любого общества.

Среди критериальных элементов присутствуют не только экономические и социальные, но и культурные, психологические, духовные, за исключением ...*природных и экологических*. Может быть, в постиндустриальном обществе США (со времен Д. Белла значительно “окрепшем”!) начисто исчезли аграрный сегмент экономики с пахотными землями, закрылись шахты и рудники, прекратилось строительство ветроэнергоустановок или отпала необходимость в рекультивации нарушенных грунтов и экологических мероприятиях? Или, может быть, уже произошла массовая замена механических, электрических и электромеханических средств на электронные — ведь такую замену Белл выделяет в качестве одной из основных черт постиндустриального общества? Ответы на эти вопросы очевидны.

Наши оппоненты, несомненно, напомнят, что речь идет лишь об идентификации отличительных особенностей нового социума от прежних, о новых тенденциях в его становлении, а также отошлют нас к мыслям Д. Белла о том, что “постиндустриальное общество — это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований,

¹ Истоки появления в научном лексиконе понятия “постиндустриальное общество” покрыты “туманом”. Известно, что термином “постиндустриализм” пользовался еще в начале XX в. уроженец Цейлона, эзотерик и метафизик, специалист по индийской философии А. Кумарасвами, впоследствии эмигрировавший в Англию. Затем (в конце второй декады столетия) термин “объявился” в названии книг теоретика английского либерального социализма А. Пенни, а в 1958 г. термин “постиндустриальное общество” был использован в названии статьи американского социолога Д. Рисмана и т.д. [7].

организации системы образования и повышению качества жизни”, и о том, что “постиндустриальное общество не замещает индустриальное так же, как индустриальное не ликвидирует аграрный сектор экономики” [2, с. 35]. Однако общепризнанная заслуга Белла состоит не только в этом, но также в выявлении и объяснении *внутренней связи* особенностей и тенденций постиндустриального общества, без которых его теория осталась бы суммой разрозненных иллюстраций. Получается так, что при анализе логики развития нового общества *анализ взаимоотношений его членов с природой остается вовсе необязательным*. За скобками остается состояние экологической среды — острейшая глобальная проблема современности. Она странным образом исчезла, элиминировалась, но благодаря каким обстоятельствам это произошло, не объясняется.

Можно, конечно, сослаться и на тот факт, что Д. Белл оперировал конкретикой лишь США и особенно не “настаивал” на репрезентативности своей концепции, подчеркивая ее *прогностическую* направленность. Он признавал многовариантность моделей развития информационного общества с учетом культурно-исторических и социально-экономических традиций. Свой труд он позиционировал в качестве “аналитической конструкции”, некой “парадигмы”, “социальной схемы, выявляющей новые оси социальной организации и стратификации в развитии западном обществе”, а не картины “специфического или конкретного общества”. Но если это, по Беллу, даже “идеальный тип” общества будущего, то представителей наук о Земле, биологов, экологов и др. больше всего интересует животрепещущий вопрос об “идеальном типе” взаимоотношений человека (“хозяина природы”, “венца эволюции”, по-прежнему не осознающего последствий своих деяний) с природой в таком обществе. Увы, до ответа на такой вопрос авторитетный мыслитель не снисходит [2, с. 35].

Обратим внимание еще на один аспект трактовки постиндустриального общества Д. Беллом и его приверженцами. С одной стороны, авторитетные толкователи нового общества не без оснований связывают его с началом сокращения (и, возможно, полного прекращения) пролетаризации общества и его массовым вовлечением в сферу услуг. С другой — утверждение, что для подавляющего большинства населения развитых стран становится характерным не отношение общества к *природе*, но отношения между собой, вряд ли можно признать убедительным. Если уже сегодня мир серьезно озабочен нарушением естественного круговорота веществ и энергетических потоков, повреждением регенерационных основ биосферы и сокращением биологического

разнообразия на Земле, то вывод о замыкании людей будущего на отношениях “между собой” представляется несколько странным.

Трудно представить, например, отчужденных от природы “постиндустриальных” японцев, особенностью традиционного отношения которых к природе является концепция “человек как часть природы”, и для которых под влиянием синтоизма символами божества, по-прежнему, остаются природные объекты и явления (где, по глубокому убеждению японцев, “живут духи”). Создается впечатление, что “постиндустриальные футурологи”, разделяющие тезис о некой отстраненности от природы людей будущего, не имеют представления о тех же японцах, обожествляющих природу (в местных школах даже есть предмет под названием “любование природой”, а в японском языке существуют целых сто двадцать (!) синонимов к слову “дождь”), что национальным праздником Японии является цветение сакуры, не говоря уже о постоянной жизни островитян в чрезвычайно сейсмоопасной зоне в условиях неблагоприятных климатических флуктуаций. И обожествляют природу не одни японцы.

МЕСТО ПРИРОДЫ В “ЗНАКОВЫХ” ТРУДАХ ДРУГИХ ТЕОРЕТИКОВ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Взгляды известных аналитиков постиндустриального общества не отличаются единством. Даже само “новое общество” у разных авторов именуется по-разному — не только постиндустриальным, но и информационным, супериндустриальным (сверхиндустриальным), технотронным, сервисным, программируемым и другими терминами. Но в данном случае важно подчеркнуть другое — не все исследователи информационного общества позиционируют себя в существе авторов, открыто пренебрегающих ролью природы в становлении нового общества.

Так, видный американский социолог и философ Э. Тоффлер, автор популярных книг о постиндустриальной проблематике [13–15] занимает более “сдержанную” позицию. Воздавая должное компьютерным и телекоммуникационным технологиям, он считает неотъемлемым признаком “общества будущего” экологически чистые технологии, основанные на возобновляемых источниках энергии. Более того, согласно Тоффлеру, приходу постиндустриальной эры должны предшествовать не только тотальная компьютеризация, но и полный переход на возобновляемые источники энергии.

Реальное присутствие естественной среды в трудах Тоффлера восполняется также апеллированием к генетической революции и созданию

абсолютно новых видов животных и растений, с помощью вычислительных машин. Ученый справедливо опасается попадания генетических технологий в руки террористов. К сожалению, подобного “реверанса” в сторону природного фактора явно недостаточно.

Другой видный интерпретатор информационного (постиндустриального) общества — испанский социолог-постмарксист *М. Кастельс* (в начале 1990-х годов работавший в РФ) исходит из того, что информационные технологии создают новое информационное общество. Возможности таких технологий, производящих специфические нематериальные блага, способствуют формированию глобальной социально-экономической системы. Кастельс предлагает именовать ее *сетевым обществом (network society)*. Главным итогом его исследований стал “монументальный” трехтомный труд “Информационная эпоха: экономика, общество и культура” [9].

Его автор полагает, что именно стремительное развитие электронных коммуникационных сетей наряду с наметившимися глобальными изменениями в сфере экономики и культуры являются движущей силой в современном обществе. Используя творческое наследие представителей Лундской школы Т. Хегерстранда о “диффузии нововведений”, он считает, что “...новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его — пространство потоков... Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в распределенном времени, работающих через потоки... Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества...” [9, с. 3].

Конечно, идеи Кастельса о “сетевом” (информационном) обществе менее универсальны по сравнению с концепцией Д. Белла. Обладая существенно меньшим интеграционным потенциалом для уяснения общества будущего и представляя собой лишь его парциальную модель, их связь с природной субстанцией менее очевидна. Хотя его научная трилогия, содержащая яркий анализ взаимодействия между технологией, экономикой, политикой и даже религией, опять-таки оставила природную среду втуне. И это несмотря на тот факт, что идеи этого автора, на первый взгляд, могут показаться не чуждыми географической науке: Кастельс стал автором *концепции пространственных потоков*, перекликающейся с теориями “критической геополитики” и “soft power” [10].

В реальности же, “пространство потоков” Кастельса скорее “отрывает” географов от конкретных координат любого географического пространства, нивелируя его и сводя к одноплоскостной геоинформационной шкале.

Перу французского социолога *А. Турена* принадлежит известный труд “Постиндустриальное общество” [37], в котором он (раньше Белла) идентифицирует “общество нового типа” — как “постиндустриальное”, “технократическое”, но чаще “программируемое”. Используя высказанные им ранее идеи в книге “Социология действия” [36], Турен утверждает, что движущим фактором роста экономики в новых условиях являются социальные силы, способные к планированию, организации и контролю. С одной стороны, он делает акцент на новые экономические отношения, с другой — идеализирует роль управленческой политики в ходе телекоммуникационно-информационной революции. Будучи “фанатически” преданным социологии, определяющими факторами в становлении нового общества он считает все же социокультурные. В таком “кредо” месту природной субстанции практически не остается.

Примером настоящей аберрации научного сознания служит позиция известного природоведа *Т. Стоуньера*, рискнувшего провести исследование профиля постиндустриальной экономики под “природно-ресурсным” углом зрения. Результатом его научного поиска стал вывод о том, что информация является важнейшим стратегическим ресурсом, вполне заменяющим *...полезные ископаемые* [35]. В отдельных случаях превращение информации в потенциальные источники богатства для избранных стран вполне возможно, но экстраполяция подобной замены (ископаемые на информацию) в рамках глобального постиндустриального мира представляется нам экзотическим “сценарием” (ведь таким образом на месте полезных ископаемых могут оказаться “хлеб насущный” и другие абсолютно *незаменимые* материальные продукты).

Анализ взглядов многих других аналитиков постиндустриального общества (как правило, социологов) обнаруживает их “усеченное” представление о принципах и характерных особенностях функционирования постиндустриального общества, без попыток увязать жизнедеятельность его членов с естественной средой, обостряющимися экологическими проблемами современной цивилизации. Если согласиться с мнением многих приверженцев грядущего общества в том, что характерной чертой последнего является *деиндустриализация* экономики, то почему же ускользают из поля их зрения параллельные тенденции — *реиндустриализация* (развитие новых, высокотехнологичных

производств, замещающих старые отрасли), но также перенос многих (прежде всего, менее “чистых” в экологическом отношении) производств в новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки (кстати, такая “миграция” может свидетельствовать о том, что “*царство божие*” остается уделом лишь стран “золотого миллиарда”).

Претендуя на всестороннее, комплексное рассмотрение внутренних связей функционального механизма нового общества, авторы-социологи не утруждают себя поиском путей нормализации отношений между человеком и природой. В частности, предаются забвению такие вопросы, как ускоряющееся загрязнение геосфер Земли и превращение Мирового океана в гигантскую свалку промышленных и бытовых отходов, обеспечение населения чистой пресной водой, сокращение биологического разнообразия и повреждение регенерационных основ биосферы, опасное превращение человека в “приставку” к компьютеру со всеми вытекающими отсюда результатами и т.д.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ АНАЛИТИКИ О “БЕСПРИРОДНОМ” ОБЩЕСТВЕ

Предваряя рассмотрение данного сюжета, следует признать, что среди российских авторов есть те, кто принимает “близко к сердцу” судьбу природы в “обществе будущего” (как, например, Лопатников Д.Л. — географ, автор книги “Экологические перспективы постиндустриального мира”) [11]. Но в данном случае в поле нашего зрения оказались лишь авторитетные эксперты в области *всеохватного теоретического* осмысления постиндустриального общества, а не его отдельных аспектов.

Хотя труд ведущего российского аналитика постиндустриального общества В.Л. Иноземцева и носит название “Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы” [5], земная природа (естественная среда планеты) и ее роль в постиндустриальной трансформации среди основных положений и проблем теории постиндустриального мира также отсутствует. В нем содержатся яркий анализ современных концепций стоимости, трансформации отношений собственности в развитых странах, роли личности в условиях научно-технической революции, нового классового противостояния в постиндустриальном обществе и т.д.

“Постэкономическое” общество в истории цивилизации связывается автором, прежде всего, с изменением характера деятельности людей, создающей все более весомую часть валового продукта США и стран Западной Европы. Аксиоматический смысл такого утверждения

очевиден, как и содержание (почти марксистской) мысли о том, что тип общественного устройства практически полностью зависит от характера деятельности людей на том или ином отрезке истории и от отношений между людьми в процессе производства и потребления материальных благ и услуг. Вопросы возникают, когда автор, связывая деятельность людей новой эпохи с творчеством, как главным детерминантом своей периодизации, фактически выносит за скобки первичный сектор производства — добычу сырьевых ресурсов и производство сельскохозяйственной продукции.

Решающим источником общественного развития “постэкономической” эпохи, по его мнению, являются не материальные и организационные сдвиги, ее предуготовившие, а внутреннее развитие личности, ее возможность самосовершенствоваться, генерировать новые знания, способные изменить человека. И далее: покидая экономическую эпоху, человечество, — считает автор, — вступает в эру абсолютной субъективности, где действия каждой отдельной личности обусловлены ее внутренними потребностями, продиктованными законами морали, имманентными каждому человеку новой эпохи [6, с. 172–173].

Минимизируя упреки в излишнем субъективизме, приведем “забавную” реплику одного из редакторов трудов упомянутого автора. Обращаясь к анализу особенностей социальной революции (которая породила “постэкономическую” эпоху), среди “недоуменных вопросов” он называет “вопрос о творчестве как том виде деятельности, на котором и базируется формирующийся социальный порядок. В. Иноземцев действительно говорит иногда, что труд будет постепенно вытесняться творчеством, и этот тезис вызывает, пожалуй, самое сильное недоверие аудитории. С творчеством ассоциируется обычно образ художника, ученого, литератора — а кто же, спрашивается, будет тогда пахать, сеять, ткать, шить, строить, возить и т.д.? Труд неуничтожим! — такова позиция некоторых критиков В. Иноземцева” [6, *предисловие редактора*].

Авторитетный теоретик постиндустриализма исходит из того, что, дескать, не следует смешивать понятия “экономика” и “хозяйственная система”. Если рассматривать экономику как науку об организации отношений, возникающих при производстве и потреблении материальных благ и услуг, как философию рационального природопользования, то, по его мнению, в постиндустриальную эпоху возникает совершенно иной тип человеческой деятельности, складываются принципиально иные закономерности развития. Но разве творчество, это уже не труд, разве мыслительная деятельность не “сжигает

калории”, и стоит ли в этой связи резко противопоставлять “экономического человека” Адама Смита “постэкономическому человеку”?

Читателю внушается мысль, что “постэкономическое общество”, существуя в рамках экономической теории, имеет мало общего с конкретными отраслями материального производства, особенно с аграрным сектором и добывающей промышленностью. Вопросы, анализируемые автором, тесно переплетаются с социологией, социопсихологией, философией, геополитикой, и мало ассоциируются с реальными экономическими артефактами, часто уходя в известную сферу феноменологии. Между тем, если пользоваться традиционными представлениями (со времен Ксенофонта и кодекса законов VIII в. до н.э. царя Хаммурапи) об экономике как хозяйственной деятельности общества, и более поздними — как совокупности отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления, и даже нынешними дефинициями экономики как отрасли научного знания, то вся периодизация эпох Иноземцева не выглядит “безукоризненной”.

При внимательном анализе выделенных автором типов обществ выясняется, что жизнь подавляющей части исторических народов фактически укладывается в один тип, если полагать, что труд является осмысленным видом деятельности по созданию безопасной среды обитания. А так называемая “предтрудовая” активность индивидуумов, с которой автор связывает “доэкономическое” общество, скорее может соответствовать стаду обезьян или питекантропов, поскольку даже самый примитивный труд был началом производства, той гранью, которая отделяет животных от человека. Это императив, не нуждающийся в доказательствах (напротив, трудно доказать, что как раз “постэкономическая” эпоха преуспела в создании безопасной среды обитания!).

Признание основным источником современного прогресса знания, способные изменить окружающий мир, вовсе не является основанием для того, чтобы “артикулировать” постэкономическое общество *в отрыве от мира природы*. Заметим, навязчивая идея о вытеснении человека из сферы непосредственно материального производства и потеря столь важного в традиционных обществах интереса к средствам производства высказывается и пропагандируется многими авторами без учета, по меньшей мере, *половины человечества, где нищета, болезни, голод и недоедание, по-прежнему, рвут общество “по швам” и откуда “золотой миллиард” черпает сырьевые ресурсы*. В этих условиях и первичный сектор производства, и физический труд никуда не исчезают, и никакой “астролог” не в состоя-

нии предсказать их дефлайн (особенно с учетом того факта, что в абсолютном выражении соответствующие показатели производства в упомянутом секторе продолжают расти (!) параллельно росту численности населения планеты).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отличительной чертой постиндустриальной и “постмодернистской” экономики является ее сильная подверженность *процессам виртуализации*. В основе последних лежат как объективные факторы (природа, глобализация, медиатизация, информатизация), так и субъективные, связанные с идеологией, геополитикой и т.д. Развитие таких процессов нередко имеет следствием подмену реальных компонентов экономической жизни общества (товары, деньги, рынки и т.д.) симулякрами. В данном случае для нас важен тот факт, что в постиндустриальном (равно: информационном) обществе материальное производство не может быть вытеснено производством информации, как бы ни старались пропагандисты феноменологических подходов в науке. Можно лишь согласиться с тем, что процессы информатизации экономической сферы способствуют “передислокации” части экономической жизнедеятельности в виртуальное пространство, в котором информация становится основным товаром, продуктом массового производства и потребления. Но, не более того.

Нелишне в этой связи привести размышления о феноменологии и “сокрытии природы” известного итальянского философа, представителя интегрального традиционализма Ю. Эволы, изложенные в его работе “Оседлать тигра” (впервые опубликованной в 1961 г.). Фактически еще до появления знаковых публикаций теоретиков постиндустриального общества, он предупреждал о серьезной опасности опоры феноменологических сочинений на экзистенциальный уровень с игнорированием “конкретной и многомерной реальности”. Природа, по убеждению Эволы, «становится еще более закрытой и таинственной для человека, чем когда бы то ни было прежде. Ее тайны остаются “сокрытыми”, поскольку взор наш прочно притягивают зрелищные достижения в индустриально-технической области, где отныне речь идет не о познании мира, но исключительно о его преобразовании» [21, с. 79].

Не все взгляды Эволы (автора ряда работ по эзотеризму и оккультизму, оказавших определенное влияние на представителей ультраправой идеологии) заслуживают сегодня поддержки. Но ценной представляется его мысль о наблюдающейся подмене материи “энергией”, и о том, что это обстоятельство ничего, в сущности, не меняет в реальном опыте человека. “Последний смысл

того, что его окружает — свет, солнце, огонь, море, небо, цветущие деревья, умирающие существа ...не становится более ясным” [21, с. 79].

К сожалению, идеи, ассоциирующиеся с недооценкой роли географической среды в развитии социума, глубоко овладели массами наших “креативщиков” и пропагандистов постиндустриального общества. С одной стороны, они справедливо указывают учащейся молодежи, что современная рыночная экономика характеризуется преобладанием рынка знаний и информации над рынком материально-вещественных товаров и ресурсов и значительным ростом объема затрат на развитие научных исследований (в том числе фундаментальных и прикладных исследований, проектно-конструкторских разработок), созданием программного обеспечения и т.д.

С другой — затушевывается вопрос о том, что для формирования прочных основ российской рыночной экономики, характеризующейся преобладанием рынка знаний и информации над рынком материально-вещественных товаров и ресурсов, необходимо одновременно осуществить многозатратное замещение основной части производственных фондов (далеко не всегда жестко связанных с “ноу-хау”), провести масштабные, неотложные работы по коренной реконструкции жилого фонда страны и инфраструктурных сетей, ликвидировать те самые призрачные “удобства во дворе”, которые еще долго не позволят относить нашу Россию к привлекательным местам для жизни людей. Образно говоря, создавать рынок знаний и информационных технологий нельзя в “чистом поле” или в “пустыне”.

Вывод, следующий из этого, состоит в том, что реальная, индустриальная экономика, использующая обильные *природные ресурсы*, отнюдь не сиюминутная прихоть и не вчерашний день для нашей страны. Такая экономика, теснейшим образом связанная с рациональным природопользованием, которое в свою очередь учитывает природные особенности различных территорий страны, сможет вывести страну на новую фазу инновационного развития, приблизить к реальному “обществу знания”, помочь восторжествовать технологическому укладу.

Примечательно, что многие идеи концепции постиндустриализма предвосхитил еще В.И. Вернадский, развивая концепцию естественных производительных сил и ноосферы — сферы разума человека. И хотя он нигде не конкретизировал облик ноосферы, “сконструированной” на базе собственных биогеохимических представлений, его, в отличие от многих пропагандистов постиндустриального общества, никак нельзя упрекнуть в игнорировании природной субстанции [3]. Интерес к ноосферной проблематике,

ассоциирующийся с разработкой идей в *социоприродной* области под воздействием научно-технической революции (середина XX — начало XXI вв.), прослеживается в трудах, в основном, философов, экологов и других мыслителей (в том числе отечественных — Э.А. Араб-Оглы, Э.С. Демиденко, А.М. Ковалева, В.А. Кутырева, Л.В. Лескова, Н.Н. Моисеева, А.П. Назаретяна, Н.Ф. Реймерса, В.С. Степина, А.И. Субетто, А.Д. Урсула, Б.Г. Юдина, Ю.В. Яковца и др.) [1, 11, 19, 20, 22, 24, 27–29, 31, 32, 34 и др.].

Как отмечалось выше, и среди географов есть имена, запечатлевшие органическую связь общества будущего с географической средой, например, Ж. Готтман, французский урбанист, классик географической науки, бывший лидер географической школы в Оксфорде, исследовавший роль мегалополисов как “вестников будущего” [25]. Отдельные “геоориентированные” аспекты формирования постиндустриального общества рассмотрены в работах российских географов: Д.Л. Лопатникова, В.А. Шупера, Н.С. Мироненко, В.И. Данилова-Данильяна, Н.Н. Ключева и др.

К сожалению, список этих имен невелик. Но, главное состоит в том, что публикации географов служат еще слабым препятствием на пути распространения в мировой науке идей географического нигилизма в трудах теоретиков постиндустриального общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Араб-Оглы Э.* Взгляд из XXI века. Рецензия на книгу: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования // Свободная мысль-XXI. 2000. № 12. С. 60–70.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. 2-изд., испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.
3. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
4. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1976. 264 с.
5. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2000. 304 с.
6. *Иноземцев В.Л.* Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: Academia, 1999. 704 с.
7. *Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества: постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia, Наука, 1998. 640 с.
8. *Иноземцев В.Л.* Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности // Российский химический журнал. 1999. № 6. С. 13–22.

9. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. М.: ВШЭ, 2000. 606 с.
10. *Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество. Аналитическое исследование: Материалы конф. "Россия в конце XX века" (5–7 ноября 1998 г., ун-т Стэнфорда) // Мир России. 2000. № 1. С. 23–51.
11. *Лопатников Д.Л.* Экологические перспективы постиндустриального мира. М.: АБФ, 2006. 312 с.
12. Общество по-прежнему игнорирует окружающую среду. <http://gazetagreencity.ru/2017/03/21> (дата обращения 21.02.2019).
13. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти М.: АСТ, 2004. 672 с.
14. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
15. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ, 2008. 560 с.
16. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
17. *Уэбстер Ф.* Теория информационного общества / пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной / под ред. Е.Л. Вартаковой. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
18. *Фельдблюм В.* Теория постиндустриального общества: сущность, критика, перспективы (памяти Дэниела Белла). (К Мировому политическому форуму 2011 года в Ярославле.) <https://www.politforums.net/internal/1313771644.html> (дата обращения 21.02.2019).
19. *Clifford P.R.* The death of dinosaur: towards a co-operative society. L.: Society for Promoting Christian Knowledge, 1978. 300 p.
20. *Drucker P.F.* The new society. The anatomy of industrial order. N.Y.: Univ. of British Columbia Press, 1962. 362 p.
21. *Evola J.* Ride the Tiger: A Survival Manual for the Aristocrats of the Soul. Inner Traditions. 2003. 256 p.
22. *Etzioni A.* The active society. N.Y.: Free Press, 1968. 724 p.
23. *Frankel B.* The post-industrial utopians. Oxford: Blackwell, 1987. 303 p.
24. *Gabor D.* The mature society. L.: Martin and Warburg, 1972. 208 p.
25. *Gottmann J., Harper R.A.* Since Megalopolis. The Urban Writings of Jean Gottmann. Baltimore and London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1990. 294 p.
26. *Kumar K.* From post-industrial to post-modern society: new theories of the contemporary world. 2nd ed. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell, 2005. 289 p.
27. *Laborit L.* Society informationnelle: idées pour autogestion. P.: Les Éditions du Cerf, 1973. 93 p.
28. *Lyotard J.-F.* La condition postmoderne: rapport sur le savoir. P.: Éditions de Minuit, 1979. 109 p.
29. *Martin J., Oner T.* Telematic society: a challenger for tomorrow. NY: Prentice-Hall, 1981. 244 p.
30. *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., D.C.: World Future Society, 1981. 171 p.
31. *McClelland D.C.* The achieving society. NY: Free Press, 1961. 512 p.
32. *Porat M., Rubin M.* The information Economy: Development and Measurement. Wash.: U.S. Government Printing Office, 1978. 265 p.
33. *Rostow W.W.* The Stages of Economic Growth. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971. 410 p.
34. *Shuper V.A., Kolosov V.A., Fedorov G.M.* Jean Gottmann as a Visionary and a Critic // Int. J. of Econ. and Fin. Iss. / Econjournals. Turkey. № 5. P. 1–4.
35. *Stonier T.* Wealth of Information. L.: Thames Methuen, 1983. 224 p.
36. *Touraine A.* Sociologie de l'action. P.: Les Éditions du Seuil, 1965. 507 p.
37. *Touraine A.* La société post-industrielle. P., 1969. 315 с.

REFERENCES

1. Arab-Ogly Je. A look from the 21st century. Book Review: Bell D. The Future Post-Industrial Society. Social Forecasting Experience. *Svobodnaya Mysl'*-XXI, 2000, no. 12, pp. 60–70. (In Russ.)
2. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming Post-industrial Society. Social Forecasting Experience], vols. 2. Moscow: Academia Publ., 2004. 788 p.
3. Vernadskii V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 271 p.
4. Gjellbrejt Dzh. *Novoe industrial'noe obshchestvo* [New Industrial Society]. Moscow: Progress Publ., 1976. 264 p.
5. Inozemcev V.L. *Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy* [Modern Post-industrial Society: Nature, Contradictions, Perspectives]. Moscow: Logos Publ., 2000. 304 p.
6. Inozemcev V.L. *Raskolotaya tsivilizatsiya. Nalichestvuyushchie predposylki i vozmozhnye posledstviya postekonomicheskoi revolyutsii* [A Split Civilization. Present Prerequisites and Possible Consequences of the Posteconomic Revolution]. Moscow: Academia Publ., 1999. 704 p.
7. Inozemcev V.L. *Za predelami ekonomicheskogo obshchestva: postindustrial'nye teorii i postekonomicheskie tendentsii v sovremennom mire* [Outside of an Economic Society: Post-industrial Theories and Posteconomic Trends in the Modern World]. Moscow: Academia, Nauka Publ., 1998. 640 p.
8. Inozemcev V.L. Science, personality and society in post-industrial reality. *Ros. Khim. Zh.*, 1999, no. 6, pp. 13–22. (In Russ.)
9. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow: VShJe, 2000. 606 p.
10. Kastel's M., Kiseleva E. Russia and the network community. Analytical study. *Mir Rossii*, 2000, no. 1, pp. 23–51. (In Russ.)
11. Lopatnikov D.L. *Ekologicheskie perspektivy postindustrial'nogo mira* [Ecological Perspectives of the Post-industrial World]. Moscow: ABF, 2006. 312 p.
12. *Obshchestvo po-prezhnemu ignoriruet okruzhayushchuyu sredu* [Society Still Ignores the Environment]. Internet-resurs. Available at: <http://gazetagreencity.ru/2017/03/21> (accessed: 21.02.2019). (In Russ.)
13. Toffler A. *Metamorfozy vlasti* [Metamorphosis of Power]. Moscow: AST, 2004. 672 p.
14. Toffler A. *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST, 2010. 784 p.

15. Toffler A. *Shok budushchego* [Shock of the Future]. Moscow: AST, 2008. 560 p.
16. Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego* [Return of the Person Acting]. Moscow: Nauchnyi mir, 1998. 204 p.
17. Ujebster F. *Teoriya informatsionnogo obshchestva* [Information Society Theory]. Per. M.V. Arapova, N.V. Malyhinoj, Vartalovoj E.L., Ed. Moscow: Aspekt Press, 2004. 400 p.
18. Fel'dbljum V. *Teoriya postindustrial'nogo obshchestva: sushchnost', kritika, perspektivy (pamyati Djeniela Bella)* [The Theory of Post-Industrial Society: Essence, Criticism, Perspectives (in memory of Daniel Bell)]. (K Mirovomu politicheskomu forumu 2011 goda v Jaroslavle) Internet-resurs. Available at: <https://www.politforums.net/internal/1313771644.html> (accessed: 21.02.2019) (In Russ.).
19. Clifford P.R. The death of dinosaur: towards a co-operative society. L., 1978. 300 p.
20. Drucker P.F. The new society. The anatomy of industrial order. N.Y.: University of British Columbia Press, 1962. 362 p.
21. Evola J. Ride the Tiger: A Survival Manual for the Aristocrats of the Soul. Inner Traditions. 2003. 256 p.
22. Etzioni A. The active society. N.Y.: Free Press, 1968. 724 p.
23. Frankel B. The post-industrial utopians. Oxford: Blackwell, 1987. 303 p.
24. Gabor D. The mature society. L.: Martin and Warburg, 1972. 208 p.
25. Gottmann J., Harper R.A. Since Megalopolis. The Urban Writings of Jean Gottmann. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1990. 294 p.
26. Kumar K. From post-industrial to post-modern society: new theories of the contemporary world. 2nd ed. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell, 2005. 289 p.
27. Laborit L. Society informationnelle: idees pour auto-gestion. P.: Les Editions du Cerf. 1973. 93 p.
28. Lyotard J.-F. La condition postmoderne: rapport sur le savoir. P.: Editions de Minuit, 1979. 109 p.
29. Martin J., Oner T. Telematic society: a challander for tomorrow. N.J.: Prentice-Hall, 1981. 244 p.
30. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., D.C.: World Future Society. 1981. 171 p.
31. McClelland D.C. The achieving society. N.Y.: Free Press, 1961. 512 p.
32. Porat M., Rubin M. The information Economy: Development and Measurement. Wash.: U.S. Government Printing Office, 1978. 265 p.
33. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 410 p.
34. Shuper V.A., Kolosov V.A., Fedorov G.M. Jean Gottmann as a Visionary and a Critic. *International Journal of Economics and Financial Issues. Econjournals*. Turkey, 5, pp. 1–4.
35. Stonier T. Wealth of Information. L.: Thames Methuen, 1983. 224 p.
36. Touraine A. Sociologie de l'action. P.: Les Éditions du Seuil, 1965. 507 p.
37. Touraine A. La societe post-industrielle. P., 1969. 315 p.

On Natural Nihilism of Analysts of the Post-Industrial Society

Yu. N. Gladkiy* and V. D. Sukhorukov

Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

*e-mail: gladky43@rambler.ru

Received October 1, 2019; revised February 20, 2019; accepted May 30, 2019

Attention is drawn to the serious miscalculations of well-known theorists of post-industrial society, which limited to sociological and economic analysis and underestimating the role of the geographical environment. Recognizing the need to create a “normal environment” (*D. Bell*), the theorists of “the society of the future”, in fact, abstract from the biosphere basis of Man, from the accelerating transformation of the age-old biogeochemical cycle of substances on the planet and dangerous damage to the “film of life”. This position is associated by the authors with geographical nihilism. They are convinced that the recognition of such main source of modern progress as knowledge, which can change the world around us, is not a reason to articulate future society in isolation from the natural world. No “post-economic society” can function without extractive industries, agricultural sector, natural recreation areas, etc. It is emphasized that the idea of a “non-natural society” is promoted by well-known authors without taking into account at least half of humanity, where poverty, disease, hunger and malnutrition continue to tear society “at the seams” and where the “golden billion” draws raw materials. It is concluded that the creation of a “knowledge society” in Russia is unthinkable without the use of abundant natural resources necessary for the multi-cost replacement of the main part of the production funds and the accumulation of budgetary funds.

Keywords: geographical environment, post-industrial society, natural nihilism, knowledge society, information society, network society, natural resources.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-556620195121-130>